

DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.069
УДК 94(470.57)“17/18” + 316.347 +
+ 39(=512.141)

Ю. Н. Смирнов

*Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С. П. Королева
Самара, Россия*

БАШКИРЫ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ: ВКЛЮЧЕНИЕ В ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ XVIII–XIX вв.

Статья посвящена участию башкир в освоении Заволжья. Земли в Самарской губернии были самыми западными в России, где компактно проживало башкирское население. Изучение вопросов истории этого края в XVIII – первой половине XIX в. и обитавших на них жителей обеспечено документами центральных и местных архивов, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, другими источниками. Критический анализ источников и историографии, использование современных приемов локальной и этнической истории позволяют обратиться к прошлому народов региона при конструировании их исторической и культурной памяти. В «имперский период» проблема соотношения этнической и локальной истории усложняется в силу расселения народов на значительные расстояния и по разным территориям. Установлено, что превращение Заволжья во внутреннюю губернию империи (Самарскую), с одной стороны, произошло за счет мобилизации части вотчинных башкирских земель, происходившей как принудительно, так и добровольно. С другой стороны, утрата башкирами в основном отдаленных и малоиспользуемых заволжских владений была компенсирована получением статуса военно-служилого сословия, наличием самоуправления, возможностью модернизации хозяйства, культуры и быта. Как результат, сохранились и даже расширились территории расселения этноса, произошел его несомненный численный рост. В Заволжье в середине XIX в. проживало около 50 тыс. башкир. За два столетия в масштабах всей России произошло более чем десятикратное увеличение их численности. При определении «имперских народов» по признаку активного участия в генезисе империи, особенно в процессе включения в нее окраинных земель, к их числу, безусловно, относятся башкиры. В свою очередь, Самарское Заволжье оказалось среди «имперских окраин», с участием в том числе башкир, включенных в хозяйственное, административное, поликультурное пространство России, что имело большое значение для дальнейшего развития всей многонациональной страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история России в XVIII–XIX вв.; юго-восток Европейской России; этническая история; локальная история; имперская окраина; имперский народ

Ц и т и р о в а н и е: *Смирнов Ю. Н.* Башкиры Самарского Заволжья: включение в имперское пространство России XVIII–XIX вв. DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.069 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 161–173.

Поступила в редакцию: 20.05.2020

Принята к печати: 28.09.2020

Yuri N. Smirnov

*Samara National Research University
Samara, Russia*

**BASHKIRS OF SAMARA TRANSVOLGA REGION:
INCLUSION INTO RUSSIAN IMPERIAL SPACE
IN THE 18th–19th CENTURIES**

This article focuses on the participation Bashkirs took in the development of Transvolga Region. The lands in Samara Province were the most western ones in Russia where the Bashkir population lived compactly. Historical studies of the region and the population living there between the eighteenth and the first half of the nineteenth centuries refer to documents of central and local archives, manuscripts of the Russian National Library, etc. Critical analysis of sources and historiography and the application of modern techniques of local and ethnic history allows the author not only to solve research problems, but also look at the past while constructing historical and cultural memory. In the “imperial period”, the problem of correlating the ethnic and local history was complicated by the resettlement of peoples in different territories over considerable distances. The transformation of Volga Region into an internal Samara province of the empire, on the one hand, was due to the mobilisation of part of the estates of Bashkir lands, which occurred both forcibly and voluntarily. On the other hand, the loss by the Bashkirs of mostly remote and underutilised Transvolga estates was compensated for by receiving the status of a military service class, the presence of self-government, and the possibility of modernising the economy, culture, and life. As a result, the territories of the ethnos’s settlement were preserved and expanded, its undoubted numerical growth took place, amounting to more than a tenfold increase over two centuries nationwide. In the middle of the nineteenth century, about 50 thousand Bashkirs lived in Transvolga Region. The author provides a definition of the “imperial people” on the basis of active participation in the genesis of the empire, especially in the process of including “peripheral lands”. The Bashkirs are certainly an “imperial people” and Samara Transvolga Region is one of the “peripheral lands” included in the economic, political, and multicultural space of the Russian Empire, which was important for the further development of the entire multi-ethnic country.

Key words: Russian history in the 18th–19th centuries; southeast European Russia; ethnic history; local history; empire periphery; imperial people

For citation: Smirnov, Yu. N. (2020). Bashkiry Samarskogo Zavolz'hia: vkluchenie v imperskoe prostranstvo Rossii XVIII–XIX vv. [Bashkirs of Samara Transvolga Region: Inclusion into Russian Imperial Space in the 18th–19th Centuries]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 161–173. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.069

Submitted: 20.05.2020

Accepted: 28.09.2020

Введение

В научной периодике и на различных дискуссионных площадках в настоящее время активно рассматривается и интерпретируется ход колонизации имперских окраин, ее влияние на российское общество в целом, на судьбы отдельных регионов и этносов. Все более осозанным становится понимание того, что историю России в целом можно и нужно рассматривать как на региональном, так и на этническом материале, чтобы осмыслить прошлое с учетом местных и национальных особенностей. Это всецело относится к изучению истории Самарского Заволжья и обитавших здесь народов.

История каждого народа и каждого региона — органичная и неотъемлемая часть российской истории. Оставаясь уникальной и неповторимой, она одновременно протекает под воздействием общероссийских закономерностей. История локальная и этническая является сферой историописания, равноправной «большой» общероссийской и глобальной истории, конечно, при условии следования высоким профессиональным критериям современной науки.

Широко применяемые в современной науке приемы региональной и этнической истории, а также полученные результаты выполняют еще одну важную функцию наряду с познавательной. Они создают условия для обращения жителей той или иной территории и национальности к прошлому своего локуса и этноса при конструировании исторической и культурной памяти. Локальная история удовлетворяет врожденное желание человека на получение знания о месте, в котором он живет, этническая — о народе, с которым себя идентифицирует. Причем речь идет о знании, которое формирует не негативное или индифферентное, а положительное и лояльное отношение к образу данного места и конкретного народа, распространяющееся и за пределами региона, и в иной национально-культурной среде.

Целью настоящего исследования является выяснение участия башкир в расширении имперского административно-политического и культурно-демографического пространства в конкретном окраинном регионе, каким было Самарское Заволжье в XVIII–XIX вв. Оценку этому участию следует определить как с точки зрения решения задач, которые ставили российские власти на вновь присоединенных и осваиваемых землях, так и в отношении последствий для самого башкирского этноса.

Источники и историография

Современные исследования по освоению территорий юго-востока Европейской России с XVIII до середины XIX в. рисуют сложную картину «формирования здесь разноэтнического и поликонфессионального населения» региона с участием «всех народов, его заселяющих» [«Обретение Родины», с. 5]. Эти исследования опираются на богатую источниковую базу, создание которой стало возможным прежде всего благодаря выявлению значительного комплекса архивных материалов. За последние годы этот комплекс, учитывающий в том

числе башкир, был использован и представлен в диссертациях [Ведерникова; Кузнецов], монографиях [Маннапов, 2018; Смирнов, 1997], коллективных трудах по истории Самарского края и прилегающих регионов, народов Поволжья и Приуралья [Поволжье...; Самарская летопись; История башкирского народа], в которых были обобщены результаты изучения демографической и этнической составляющей массовых переселений.

Эти результаты коррелируют с выводами, полученными при исследовании других имперских окраин. Например, с тем наблюдением, что на российском фронтире «колонизация новых земель, миграции народов» повсеместно вызывали «смешение и чересполосное расселение, образование гибридных этнокультурных групп и синкретических мировоззренческих комплексов» [Акторы российской имперской модернизации..., с. 85].

Сама же упомянутая источниковая база включает многочисленные документы, выявленные к настоящему времени в архивах и рукописных собраниях библиотек Москвы, Санкт-Петербурга и ряда региональных центров. Неопубликованные материалы по теме дополняются изданиями законодательных актов и других документальных источников. Среди недавних успешных примеров публикаторской деятельности следует отметить «Документы и материалы по истории башкирского народа» [Документы и материалы...], а также «Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей», составленное в 1857 г., но вышедшее в печати лишь 158 лет спустя после написания [Воронов]. Все эти источники в совокупности дают возможность получить представление об общих и особенных чертах процесса включения земель юго-востока Европейской России в XVIII — первой половине XIX в. в состав империи.

Вела ли имперская геополитика к депопуляции башкир?

Присоединение и колонизация этой российской окраины входили в число важных общегосударственных задач, реализовывались под контролем верховной власти, управлялись из центральных и местных правительственных учреждений, поддерживались активным массовым участием многонационального населения. Именно здесь впервые геополитические планы России получили научное обоснование. Проект видного ученого — картографа и статистика И. К. Кирилова, занимавшего пост обер-прокурора Сената, — в котором предусматривалось продвижение российских интересов и рубежей в направлении Казахстана, Центральной Азии и Индии, привел к организации Оренбургской экспедиции (комиссии), преобразованной в итоге в новую обширную Оренбургскую губернию империи. Однако план Кирилова был шире и стал основой настоящего прорыва российской державы на север и восток евразийского материка. Его тихоокеанская часть разрабатывалась совместно с мореплавателем В. Берингом, а сибирская — с географом и историком Г. Ф. Миллером, которые стали фактическими руководителями организованной одновременно с Оренбургской еще одной экспедиции, названной официально Второй Камчатской, но справедливо вошедшей в историю под

именем Великой Северной. Оренбургская экспедиция, в деятельности которой принимали участие также видные пионеры российской науки В. Н. Татищев и П. И. Рычков, преследовала на континентальном азиатском направлении, кроме политических, торгово-экономические интересы России и российского купечества, представленного в том числе его мусульманской частью.

В 30-е гг. XVIII в. начался процесс преобразования степных пространств на юго-востоке Европейской России, где преобладало экстенсивное кочевое хозяйство, в крупный земледельческо-промышленный регион с многочисленным населением. Значительная часть территорий в Заволжье были инкорпорированы в Российскую империю не в результате завоевания, а по договорам и «в ходе хозяйственной колонизации», которой подверглись малонаселенные, слабо освоенные, но необыкновенно плодородные черноземные степи «дикого поля» [Миронов, с. 113, 261].

Процесс такого освоения и преобразования в основном завершился в короткий по историческим меркам срок. Это нашло отражение в создании 1 января 1851 г. новой Самарской губернии, получившей статус «внутренней губернии империи». Он соответствовал административному устройству территорий в центре России, хотя этот регион, лежавший по левому берегу Волги и к востоку от него, продолжал и далее принимать переселенцев, поскольку еще обладал богатым фондом незанятых и не введенных в постоянный оборот сельскохозяйственных угодий.

Среди российских этносов, активно вовлеченных в указанные выше хозяйственные, демографические, политико-административные процессы, был и башкирский. В целом данные процессы благоприятно сказались на исторических судьбах этого народа. Если в качестве критерия оценки принять рост населения, то мнение о депопуляции башкир в «имперский период» выглядит необоснованным.

После восстаний первой половины XVIII в., когда были упорядочены политико-административные отношения имперских властей с башкирами, их численность, по подсчетам, которые можно признать «наиболее аргументированными», с середины XVIII в. до начала XX в. выросла со 150 тыс. до 1,7 млн чел. [Асылгузин]. Как образно выразилась историк и религиовед А. Б. Юнусова, башкиры стали ощущать себя «народом России, живущем в самом ее сердце», выйти из которой они могут «только в землю или в небо» [Мозжухин].

Мобилизация башкирских вотчинных земель в Заволжье

Конечно, ситуация с включением башкир в имперское пространство, в том числе на территории Самарского Заволжья, не была однозначной. Имело место принудительное изъятие части земель, которые башкиры считали своими, а также значительное количество таких земель было ими продано помещикам или крестьянам-переселенцам. Однако в обоих случаях речь шла преимущественно о дальних кочевьях, охотничьих, рыболовных и бортных угодьях. Это означало сокращение экстенсивного хозяйствования башкир в Самарском

Заволжье, но отнюдь не выселение с обжитых земель или из постоянных мест обитания. По свидетельству П. И. Рычкова, в начале Оренбургской экспедиции во второй половине 1730-х гг. по реке Самаре до самых верховьев «башкирских жилищ» нигде не было [Смирнов, 1997, с. 28]. Одним из признаков слабого освоения этих земель были те большие площади, которые стали приобретать дворяне «почти задаром от башкирцев и водворять на них своих крестьян из малоземельных губерний» [Воронов, с. 25].

В 1746 г. М. А. Богданов купил у башкир из д. Шурановы Казанской дороги Уфимского уезда земли по р. Кинель. В уплату он отдал 100 руб. и обязался платить ясак за продавцов по 3 руб. 75 коп. в год. В 1781 г. здесь в с. Богдановка обитало уже 210 душ м. п. По соседству в 1755 г. у башкир того же уезда и той же дороги из д. Илуметева и Етракова И. П. Толстой купил земли «окружностью в 250 верст всего за 40 рублей». В 1766 г. он перепродал из них 22 300 дес. помещикам Хилковым за тысячу рублей [РГАДА, ф. 1336, оп. 2, ч. III, д. 3750, л. 60, 74, 136, 151, 152 об., 167; Преображенский, с. 30].

Разные способы получения земель — как покупкой у башкир, так и путем пожалования из числа принудительно у них изъятых — могли приводить к конфликтам. Так случилось в 1761 г., когда об отводе земли близ р. Кутулук попросил казачий полковник В. И. Могутов, который «для содержания своего желает крестьян поселить, как к тому способ и случай и возымеет и допустит, а ныне де на первой случай не менее как дватцетъ дворов». Против пожалования этой земли возразила подполковница И. А. Апраксина, заявив, что уже купила ее у башкир в 1759 г. для расселения крестьян из полученного в приданое сельца в 30 дворов [ОР РНБ, ф. 247, т. 17, л. 9].

В таких спорах в Заволжье власти считали законным именно пожалование, а не покупку, так как земли к западу от Новой Московской дороги из Казани в Оренбург, пусть даже прежде называвшиеся башкирскими, были изъяты под строительство укрепленных линий и оседлых поселений. Апраксиной было указано, что именно так было получено имение ее отцом, которое она приняла в приданое, а потому не имеет права оспаривать пожалований, полученных другими [Там же, л. 10].

Тем не менее, продажа башкирами земель продолжалась, а сделки на них оформлялись, о чем свидетельствуют результаты, полученные Л. М. Артамоновой [Артамонова, 2012]. Одна из таких сделок, например, была заключена в октябре 1753 г. в башкирской деревне Ибриево. Покупателями земли для новых деревень явились чуваши-переселенцы из Ядринского уезда. Они выбрали участок, ограниченный междуречьем Большого Кинеля и Большого Толкая на расстоянии в 16,5 верст, берегами Большого Кинеля на 18,8 верст и Большого Толкая на 16 верст. Измерение земли проводили на глаз, но затем ее отвод был оформлен геодезии поручиком Красильниковым, а в Оренбургской губернской канцелярии был составлен план. Башкирам уплатили за весь огромный участок с лесами и озерами, по разным источникам, от 80 до 100 руб. Продавцами выступили башкиры Салтангул Томенеев (Тименеев) и Башир Шарыпов с товарищами

из «Уфинского уезду Казанской дороги Кипчацкой волости деревни Салтангуловой» [Артамонова, 2012, с. 472–473]. Они же неоднократно указаны как продавцы земли для других чувашских деревень Заволжья, сделки на которые оформлялись в Карсунской и Уфимской конторах крепостных дел, после чего земля обмежевывалась, по урочищам при понятых ставились грани, «как указы повелевают», а из губернской канцелярии выдавались «на ту землю план и опись» [Там же, с. 474]. Правда, в некоторых документах вышеупомянутые лица назывались «служилыми татарами» [Там же, с. 473]. Вероятно, это было как раз вызвано стремлением обойти возможные препятствия при продаже земель, которые прежде считались башкирскими, но могли попасть под изъятие в казну.

Таким образом, значительные по размеру вотчинные земли башкир в Заволжье с их согласия и не без определенной выгоды мобилизовывались под переселения помещичьих и государственных крестьян. Красочный рассказ о торжественной и праздничной обстановке при заключении таких земельных сделок, воспроизведенный в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова, находит подтверждение в документах и устных преданиях. Несмотря на наличие фактов принудительного изъятия башкирских земель в казну и их захвата помещиками, не следует сводить к ним все сокращение имевшегося некогда у них земельного фонда [История башкирского народа, с. 300].

Сохранение и расширение землевладения военно-служилых башкир

Отмена уплаты башкирами ясака в 1754 г. среди прочих последствий знаменовала стремление имперских властей к их окончательному причислению к военно-служилому населению, сделав эту линию в политике по «башкирскому вопросу» определяющей более чем на сто лет. От нее правительство не отходило, несмотря на то, что значительное число башкир принимало участие в новых восстаниях 1755–1756 и 1773–1775 гг., оказалось вовлечено в волнения 1812 г. В основном такая политика принесла свои плоды, пополнив вооруженные силы империи и постепенно укрепив лояльность башкир, которым, в свою очередь, гарантировала защиту их интересов, в том числе в земельном вопросе, со стороны влиятельного военного ведомства и высокопоставленных чиновников, выдвинувшихся на военной службе.

С начала XIX в. стали звучать предложения выселить с плодородных и достаточно близко расположенных к внутренним перенаселенным губерниям земель Заволжья представителей военно-служилых сословий. Это обосновывалось тем, что потребность в их службе здесь снизилась по мере того, как охраняемые границы отодвинулись на юг и восток, а привлечение иррегулярных войск к дальним походам становилось все менее целесообразным с военной точки зрения. В то же время именно данные земли было наиболее удобно «заселить коронными крестьянами» [ГАУО, ф. 147, оп. 4, д. 11, л. 23 об.].

Принятие подобных предложений было сначала отодвинуто во времени Отечественной войной 1812 г. и заграничными походами 1813–1814 гг. Башкирские

полки и команды, сформированные в том числе в Заволжье, достойно показали себя в сражениях на Березине, под Дрезденом и Лейпцигом, в осаде Данцига и взятии Парижа [Документы и материалы..., с. 118–119].

В 1824 г. военные власти воспользовались поездкой Александра I в Поволжье и на Урал. Будучи ее главными организаторами, офицеры Главного штаба во главе с генерал-лейтенантом И. И. Дибичем запланировали и провели мероприятия в виде встреч и смотров, которые должны были показать с лучшей стороны состояние Ставропольского калмыцкого, Оренбургского казачьего и Башкиро-мещеряцкого войск. Одна из задач этого показа заключалась в том, чтобы убедить императора в необходимости сохранения за своими иррегулярными подчиненными обширных земель [Смирнов, 2011, с. 92–93].

Эти попытки военных дали временный эффект, сведенный на нет созданием в 1837 г. Министерства государственных имуществ. Возглавивший его генерал от инфантерии П. Д. Киселев в новой своей должности сделал всё, чтобы получить новые земли для государственных крестьян-переселенцев, но, будучи опытным военным и юристом, учел различия в положении разных категорий военно-служилого населения. Из заволжских уездов Симбирской и Оренбургской губерний (Самарского, Ставропольского, Бузулукского) безусловно в первой половине 1840-х гг. были выдворены крещеные калмыки и оренбургские казаки «внутренних кантонов». Все их земли переходили киселевскому министерству. Иначе решался вопрос с башкирами Заволжья. В отношении вотчинного землевладения башкир министр занял твердую позицию его признания и не принимал доводы тех, кто полагал башкирские земли жалованными, которыми казна может распоряжаться по своему усмотрению, подобно полученными калмыками и казаками [Азнабаев, с. 500–501].

Наряду с юридическими доводами, за которыми просматривалась традиционная имперская политика по «башкирскому вопросу», приносившая плоды в виде лояльности башкир и спокойствия на обширных территориях, несомненно, сказался и начавшийся переход башкир к оседлости и более интенсивному хозяйству, их численный рост, наконец, память о готовности башкир с оружием отстаивать свои интересы. Эти причины делали невозможным обойтись с ними так же, как с малочисленными ставропольскими калмыками или с разрозненными казачьими общинами «внутренних кантонов», не имевшими единой территории и представлявшими собой по сути вкрапления в массу крестьянского или городского населения Заволжья.

К этому следует добавить постепенную унификацию управления западными заволжскими уездами Оренбургской губернии (Бугульминским, Бугурусланским, Бузулукским), включая территории с башкирским населением, по общероссийским образцам. Этот процесс ускорился в результате передачи этих уездов в состав новой Самарской губернии 1 января 1851 г.

Модернизация в России XVIII–XIX вв., как считают многие исследователи, протекала в форме «вестернизации» [Артамонова, 2019, с. 373; Morard, Soboleva, Redin, p. 15]. В среду ее этносов, включая башкир и другие кочевые народы, она

преимущественно транслировалась через российские управленческие, языковые, образовательные и иные практики, а одним из наиболее эффективных путей ее продвижения властями стала социализация молодежи, независимо от национальности, в государственных школах [Artamonova, с. 903; Якунин, с. 57–58]. Заметным проявлением культурного сближения было использование западно-европейского и российского опыта при обучении башкирских детей, их прием в учебные заведения, организованные имперскими властями [Артамонова, 2018, с. 21–22; Тагирова, с. 212–215].

По сути, башкиры становились одним из элементов единого общероссийского процесса освоения юго-восточной окраины Европейской России. Показательным примером тому можно считать движение на южные земли Степного Заволжья, оставленные калмыками-ламаистами после их исхода из России в 1771 г., в котором башкиры стали одним из этнических компонентов переселения вместе с русскими крестьянами и казаками, немецкими и другими иностранными колонистами, украинскими чумаками и казаками Буковинской орды. Впрочем, история складывания и функционирования в разнородном окружении этой группы «иргизско-камельских башкир» заслуживает отдельного изучения [Маннапов, 2010], как и их яркое отражение в культуре нашей страны Л. Н. Толстым [Анисимов].

В середине XIX в. башкирское население Самарской губернии насчитывало примерно 50 тыс. чел. и было представлено двумя исторически сложившимися территориальными группами, неравными по численности. На издавна занимаемых ими землях в Бугульминском, Бугурусланском и Бузулукском уездах было сформировано 27 юрт Башкирского войска. Южнее башкиры проживали по своим деревням Самарского, Николаевского, Новоузенского уездов, заселенным в конце XVIII — начале XIX в., и частично числились в Башкирском войске, частично (2,5 тыс. чел. «иргизско-камельских башкир») — в Уральском казачьем [Воронов, с. 28, 34].

Выводы

Значительное место Самарского края в прошлом и настоящем многих народов России, включая башкир, может быть объяснено через участие данных этносов в расширении пространства российской государственности и цивилизации на этой земле. Указанный процесс продолжался несколько веков, но одним из ключевых стал хронологический отрезок с XVIII до середины XIX в., составивший значительную часть «имперского периода» отечественной истории.

В «имперский период» усложняется проблема соотношения этнической и локальной истории в силу расселения народов на значительные расстояния и по разным территориям. Изучение истории народов этого времени становится еще более интересным и сильнее связанным с решением научных задач в масштабе всей страны. Необходимо более основательно задуматься о роли этих народов в общероссийских исторических процессах и о преобладании в их

истории общих черт над особенными, что не снимает проблем национальной и региональной специфики, их взаимного переплетения.

Нам представляется плодотворным тезис В. А. Юрчёнкова об определении «имперского народа» по признаку активного участия «в генезисе империи как таковой». Особенно ярко оно проявлялось в процессе «поглощения окраинных земель», в ходе которого разноязычные поселенцы «совместно с русскими способствовали складыванию имперской системы» [Юрчёнков, с. 28].

С такой точки зрения башкиры относятся к числу «имперских народов», без которых невозможно представить процесс строительства российской державы. Среди «окраинных земель», с их участием приведенных в хозяйственное, политическое, поликультурное пространство империи, было и Самарское Заволжье.

Источники

Воронов Н. А. Описание волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / науч. ред. Ю. Н. Смирнов. СПб. : Изд-во РНБ, 2015.

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области. Ф. 147. Оп. 4. Д. 11.

Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) = Башкорт халкының тарихы буйынса документтар һәм материалдар (1790–1912) / [редкол.: А. З. Асфандияров и др.]. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 247. Т. 17.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 3750.

Исследования

Азнабаев Б. А. Юго-восточная политика России середины XVIII в. в свете ориенталистского дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 6. С. 496–504. DOI: 10.15643/libartus-2014.6.9

Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : БКИ, 2016.

Анисимов К. В. «В разорванной кибитке, посреди кур и добрых башкирцев». Л. Н. Толстой инвертирует европейский ориентализм (творчество и жизнетворчество в башкирской степи) // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 142–165. DOI: 10.17223/24099554/7/9

Артамонова Л. М. Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.

Артамонова Л. М. Обучение башкирских мальчиков в городских приходских училищах (модернизационный проект 1850–60-х гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1 (45). С. 20–27.

Артамонова Л. М. Век Просвещения в “Quaestio Rossica” // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 372–379.

Асылгузжин Р. Р. Некоторые аспекты этнодемографических процессов в полиэтничном регионе // Ватандаш. 2007. № 7. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=1448> (дата обращения: 31.01.2020).

Ведерникова Т. И. Формирование этнически смешанного населения Степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII — середине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. М., 1981.

История башкирского народа. Т. 3 / ред. колл.: И. Г. Акманов, И. М. Гвоздиков, В. В. Трепавлов, Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа : Гилем, 2011.

Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края (XVIII–XIX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Челябинск, 2011.

Маннапов М. М. К вопросу о межэтнических взаимодействиях башкир с казаками и уральскими казаками в Степном Заволжье // История и культура народов Евразии: прошлое, настоящее, будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. И. Г. Илишев. Уфа : Гилем, 2010. С. 123–128.

Маннапов М. М. Башкиры Самарской губернии: возвращение на родину предков в первой половине XX века. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1.

Мозжухин А. «Башкирского сепаратизма не существует». Исламовед Айслу Юнусова о национальных и религиозных проблемах Башкортостана // Лента.ру. Дата опублик.: 23.06.2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/23/bashkir> (дата обращения: 31.01.2020).

«Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.) : очерки истории / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара : Самар. ун-т, 2013. Ч. 1.

Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX вв.) / [Э. Л. Дубман и др. ; науч. ред.: Э. Л. Дубман, П. С. Кабытов]. Самара : Самар. отд-ние Литфонда, 2007.

Преображенский П. А. Колонизация Самарского края. Самара : Тип. Селькредсоюза, 1923.

Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. : в 2 кн. / под общ. ред. П. С. Кабытова, Л. В. Храмкова. Самара : Самар. ун-т, 1993. Кн. 1 : Самарский край с древнейших времен до середины XIX в.

Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара : Самар. ун-т, 1997.

Смирнов Ю. Н. Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на восток // Родина. 2011. № 7. С. 91–94.

Тагирова Л. Ф. Проект командующего Башкиро-Мещерякским войском Н. В. Балкашина о кантонных школах как альтернатива традиционному образованию башкир середины XIX в. // История в лицах и личность в истории : материалы Вторых Междунар. Усмановских чтений / [редкол.: И. М. Гвоздиков, Ф. Г. Хисамитдинова, М. Н. Фархшатов]. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 211–216.

Юрчёнов В. А. Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII — начало XX века // Отечественная история. 2004. № 5. С. 26–37.

Якунин В. Н. Православие и взаимодействие культур в истории дореволюционного Ставрополя-Тольятти // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 54–72.

Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.

Morard A., Soboleva L. S., Redin D. A. Transformations of society, bodily imperfection, and spiritual beauty // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 1. С. 7–20. DOI: 10.15826/qr.2019.1.359

References

Akmanov, I. G., Gvozdkova, I. M., Trepavlov, V. V., & Khisamitdinova, F. G. (Eds.). (2011). *Istoriia bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir People] (Vol. 3). Ufa: Gilem.

Anisimov, K. V. (2017). “V razorvannoi kibitke, posredi kur i dobrykh bashkirtsev”. L. N. Tolstoy invertiruet evropeyskii orientalizm (tvorchestvo i zhiznetvorchestvo v bashkirskoi stepi) [“In a tattered wagon, amid chickens and kind Bashkirs”: Leo Tolstoy Inverts Western Orientalism (Creative Activity and Creative Life in the Bashkir Steppe)]. *Imagologiya i komparativistika*, 7, 142–165. doi: 10.17223/24099554/7/9

Artamonova, L. M. (2012). Ispol'zovanie massovykh istochnikov i ustnykh predaniy pri rekonstruktsii osvoeniia lesostepnogo Zavolzh'ya v 1750–1760-e gg. [Using Mass Sources and Oral Traditions in the Reconstruction of the Development of the Forest-Steppe Volga Region in the 1750s–1760s]. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 27, 471–475.

Artamonova, L. M. (2016). Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: From Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye Gody*, 41–1(3–1), 899–907.

Artamonova, L. M. (2018). Obuchenie bashkirskikh mal'chikov v gorodskikh prikhodskikh uchilishchakh (modernizatsionnyy proekt 1850–60-kh gg.) [Education of Bashkir Boys in Urban Parish Schools (Modernisation Project in the 1850s–1860s)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia*, 1 (45), 20–27.

Artamonova, L. M. (2019). Vek Prosveshcheniia v “Quaestio Rossica” [The Age of Enlightenment in *Quaestio Rossica*]. *Dialog so vremenem*, 68, 372–379.

Asylguzhin, R. R. (2007). Nekotorye aspekty etnodemograficheskikh protsessov v polietnichnom regione [Some Aspects of Ethno-Demographic Processes in a Multi-Ethnic Region]. *Vatandash*, 7. Retrieved from <http://vatandash.ru/index.php?article=1448>

Aznabayev, B. A. (2014). Iugo-vostochnaia politika Rossii serediny XVIII v. v svete orientalistkogo diskursa [Southeast Policy of Russia in the Middle of the 18th Century in the Light of Orientalist Discourse]. *Rossiiskij gumanitarnyi zhurnal*, 3(6), 496–504. doi: 10.15643/libartus-2014.6.9

Dubman, E. L., & Kabytov, P. S. (Eds.). (2007). *Povolzh'e — “vnutrenniaia okraina” Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territorij (konets XVI — nachalo XX v.)* [Volga Region — “Internal Suburbs” of Russia: State and Society in the Development of New Territories (Late 16th — the Early 20th Centuries)]. Samara: Samar. otd-nie Litfonda.

Kabytov, P. S., Dubman, E. L., & Leontjeva, O. B. (Eds.). (2013). “Obretnenie Rodiny”: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'ye (vtoraia polovina XVI — nachalo XX v.). Ch. 1: Ocherki istorii [“Finding Homeland”: Society and Power in the Middle Volga Region (Second Half of the 16th — Early 20th Centuries). Pt. 1: Essays on History]. Samara: Samara University.

Kabytov, P. S., & Khramkov, L. V. (Eds.). (1993). *Samarskaia letopis': ocherki istorii Samarskogo kraia s drevnejshikh vremen do nachala XX v. Kn. 1: Samarskij kraj s drevnejshikh vremen do serediny XIX v.* [Samara Chronicle: Essays on the History of the Samara Territory from Ancient Times to the Early 20th Century. Book 1: Samara Region from Ancient Times to the Middle of the 19th Century]. Samara: Samara University.

Kuznetsov, V. A. (2011). *Irreguliarnye vojska Orenburgskogo kraia (XVIII–XIX vv.)* [Irregular Troops of Orenburg Region (18th–19th Centuries)] (doctoral dissertation abstract). Chelyabinsk.

Mannapov, M. M. (2010). K voprosu o mezhetnicheskikh vzaimodeistviakh bashkir s kazakhami i ural'skimi kazakami v Stepnom Zavolzh'ye [On the Issue of Interethnic Interactions of the Bashkirs with Kazakhs and the Ural Cossacks in Steppe Transvolga Region]. In I. G. Ilishev (Ed.), *Istoriia i kul'tura narodov Evrazii: proshloe, nastoiashchee, budushchee: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [History and Culture of the Peoples of Eurasia: Past, Present, Future. Materials of International Practical Scholarly Conf. (pp. 123–128). Ufa: Gilem.

Mannapov, M. M. (2018). *Bashkiry Samarskoi gubernii: vozvrashcheniie na rodinu predkov v pervoi polovine XX veka* [Bashkirs of the Samara Province: The Return of Ancestors to the Homeland in the First Half of the 20th Century]. Ufa: IHLL USC RAS.

Mironov, B. N. (2018). *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From Tradition to Modernity] (Vol. 3, 2nd ed.). St Petersburg: Dmitry Bulanin.

Morard, A., Soboleva, L. S., & Redin, D. A. (2019). Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty. *Quaestio Rossica*, 7(1), 7–20. doi: 10.15826/qr.2019.1.359

Mozzhukhin, A. (2015, June 23). “Bashkirskogo separatizma ne sushchestvuet”. Islamoved Aislu Yunusova o natsional'nykh i religioznykh problemakh Bashkortostana [“Bashkir separatism does not exist.” Islam Expert Aislu Yunusova on the National and Religious Problems of Bashkortostan]. *Lenta.ru*. Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2015/06/23/bashkir>

Poberezhnikov, I. V. (Ed.). (2016) *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian Imperial Modernisation (18th – Early 20th Cent.): Regional Dimension]. Yekaterinburg: BKI.

Preobrazhensky, P. A. (1923). *Kolonizatsiia Samarskogo kraia* [Colonisation of the Samara Territory]. Samara: Typ. Selkredsoiuz.

Smirnov, Yu. N. (1993). *Orenburgskaia ekspeditsiia (komissiia) i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-e gg. XVIII veka* [Orenburg Expedition (Commission) and the Annexation of Transvolga to Russia in 1730s–1740s]. Samara: Samara University.

Smirnov, Yu. N. (2011). Zhiteliu koliaski ne khudo ekhat' po vode. Puteshestvie Aleksandra I na vostok [It is not bad for the carriage dweller to ride on water. Alexander I's Journey to the East]. *Rodina*, 7, 91–94.

Tagirova, L. F. (2013). Proekt komanduiushchego Bashkiro-Meshcheryakskim voiskom N. V. Balkashina o kantonnykh shkolakh kak al'ternativa traditsionnomu obrazovaniyu bashkir serediny XIX v. [The Project of the Commander of the Bashkir-Meshcheryak Army N. V. Balkashin on Canton Schools as an Alternative to the Traditional Education of the Bashkirs of the Mid-19th Century]. In I. M. Gvozdkova, F. G. Khisamitdinova, & M. N. Farkhshatov (Eds.), *Istoriia v litsakh i lichnost' v istorii: materialy Vtorykh Mezhdunarod. Usmanovskikh chtenij* [History in Persons and Personality in History: Materials of the Second Usmanov Readings] (pp. 211–216). Ufa: IHLL USC RAS.

Vedernikova, T. I. (1981). *Formirovanie etnicheskoi smeshannogo naseleniia Stepnogo Zavolzh'ya (Samarskoi gubernii) v seredine XVII – seredine XIX v.* [Forming the Ethnically Diverse Population of Steppe Volga Region (Samara Province) in the Mid-17th – Mid-19th Cent.] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Yakunin, V. N. (2019). Pravoslavie i vzaimodeistvie kul'tur v istorii dorevoliutsionnogo Stavropolia-Togliatti [Orthodoxy in the History of Pre-Revolutionary Stavropol-Togliatti]. *Vestnik slavianskikh kultur*, 54, 54–72.

Yurchonkov, V. A. (2004). Mordovskij etnos v sisteme Rossijskoi imperii: XVIII – nachalo XX veka [Mordovian Ethnos in the System of the Russian Empire: 18th – Early 20th Cent.]. *Otechestvennaia istoriia*, 5, 26–37.

Смирнов Юрий Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Самарский национальный
исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева
443086, Самара, Московское шоссе, 34
E-mail: smirnov195503@yandex.ru

Smirnov, Yuri Nikolayevich

Dr. Hab. (History), Professor
Samara National Research University
34 Moskovskoe Route, 443086 Samara, Russia
Email: smirnov195503@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4333-3230
ResearcherID: B-1752-2017
Scopus AuthorID: 7202651974